

В тот вечер Сергей Юрский прочитал москвичам стихи Пушкина и поэму Есенина, рассказы Зощенко и Мопассана, миниатюры Маршака. Стремительный, энергичный, молодой, он появляется на сцене не в традиционном вечернем костюме актера, а в светлом, лишенном нарочитой торжественности. А через минуту мы уже мчимся за ним во владения графа Нулина, в 1825 год, поражаясь серьезности и душевности интонаций, которые вводит Юрский в канву поэмы-водевиля, восхищаясь изящно и оригинально разработанной актером драматургией пьесы. И сразу после «Графа Нулина» — прыжок через столетие. «Анна Снегина» — поэма 1925 года. Снова просторы России, но России мятежной, революционной. И на этом фоне — хрупкие, недосказанные отношения двух людей.

Для характеристики Юрского-актера эти два произведения рядом очень важны и интересны. Потому что в сфере поэзии широко и полно раскрывается образ его таланта — юношеский энтузиазм, естественность и обаяние, помогающие актеру сокращать дистанцию между зрительным залом и сценой.

Перевоплощение — его повседневное состояние. Он играет так много, так

разно и неожиданно, что даже привыкшие к его «творческой жадности» театроведы каждый раз удивляются заново: Юрский опять неузнаваем! (Сам он признается, что, разреши ему, переиграл бы все роли во всех спектаклях). Диапазон Юрского на театральной и концертной сцене не-

обычайно широк: Пушкин и Брехт, Чехов и Есенин, русская классика и эксцентричный водевиль. Юрскому тридцать два года, нет еще десяти лет, как он на сцене, еще и педагог, и друзья, и зрители-ленинградцы, на глазах которых он совсем недавно начинал, называют его просто Сережей. И тем не менее это именно о нем написаны десятки статей, монографии и книги.

Для Сергея Юрского подъем на театральный Олимп начался с того дня в 1958 году, когда Георгий Товстоногов доверил третьекурснику Театрального института имени Островского две абсолютно полярные роли: Олег —

жесткий и изящная пустота обывательщины — вот на каких разных меридианах пришлось побывать Сергею Юрскому в первые месяцы работы в театре. Именно эти две роли определили во многом главные грани дарования актера: лиризм и острый подчеркнутый гротеск.

За десятилетие Сергей Юрский создал обширную галерею образов: гусар Никита в кинофильме «Крепостная актриса» — веселый, звонкий, темпераментный образ; Дживола в «Карьере Артуро Уи» — умный, по-мефистофельски саркастичный распорядитель спектакля истории; Адам — в веселом пародийном представлении «Божественная

комедия» Исидора Штока; Кюхля — безысходно неприкаянный и героически несломленный Вильгельм Кюхельбекер; и мальчишески горячий Чацкий — образ современный, близкий нам своей увлекательной молодостью и бескомпромиссностью.

Сущность его труда, на-

пряженного, интенсивного — это постоянный поиск, стремление уйти от штампа, увидеть жизненную сложность в каждом характере. Поэтому так много нового узнаем мы о героях-современниках Юрского — о Родике из «Иркутской истории» — человеке тонкой поэтичной души, о пленительно задушевном старике-грузине из комедии «Я, бабушка, Илико и Илларион» — щедром и человечном, не унывающим мудреце...

Он стал «кинозвездой» после большого успеха фильмов с его участием — «Республика Шкид» и «Время, вперед». Но в мире кино он стал своим раньше — после фильма

«Человек ниоткуда». В этой эксцентрической кинокомедии герой Юрского — первобытное существо — снежный человек, попадающее в московскую столичную суету из недр небытия. Эта роль словно из репертуара циркового эксцентрика: с большой свободой и мастерством исполняет актер самые

сложные цирковые трюки. И вдруг — через буффонаду чувствуешь душевность и серьезность героя, ощущаешь теплоту живого человеческого дыхания. Здесь нет парадокса: театр для Сергея Юрского начинался в раннем детстве за кулисами московского цирка, где в годы войны художественным руководителем был его отец, заслуженный артист республики, актер и режиссер Юрий Сергеевич Юрский.

Любовь к цирку, к его большому труженикам, к веселой и иронической эксцентриаде у Сергея Юрского, как он сам признается, — на всю жизнь. Он считает цирк праздничным, ярким, волную-

щим зрелищем, а цирковое искусство — перспективным и многогранным.

...Этим летом тихие улицы города Юрьева-Польского стали на редкость многолюдными. Сильно выросло «население» новоявленного города Арбатова, где режиссер Михаил Швейцер снимал фильм «Золотой теленок». По местному парку гулял сам Остап Бендер. Это, пожалуй, единственная новая роль, о которой Сергей Юрский предпочитает не говорить. Фильм должен выйти на экраны в начале 1968 года, уже отснят почти весь материал. То есть Бендер — Юрский почти родился. И он, тревожась, ждет встречи со зрителями.

О каждой новой роли Сергея Юрского много говорят, спорят. Его справедливо считают талантливым учеником Георгия Товстоногова и — так же справедливо — величают «актером вне рамок». Справедливо, видимо, и то, и другое, и третье: превосходный актер, виртуозно владеющий законами сценического мастерства, открытый всему новому, жадно впитывающий опыт великих мастеров русской сцены, готовый учиться постоянно. Таков Сергей Юрский.

Н. ЖЕЛЕЗНОВА,
корреспондент АПН.

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ — «АКТЕР ВНЕ РАМОК»